

Мне и сейчас чуть-чуть не хватает

Существует какая-то каста исполнителей, чьи гонорары действительно отличаются от других. Сейчас был мой фестиваль в Эвиане, и я пригласил туда такого скрипача — Ицхака Перельмана. Он поражен полиомиелитом, но все равно один из самых крупных скрипачей мира. Его концерт произвел на меня сильнейшее впечатление. Он мой друг, один из первых его в жизни концертов был в Карнеги-холл. Мы играли с ним двойной концерт Брамса. Я сразу увидел, что это выдающееся явление. У него лапа мясистая, больше моей. Для скрипки это предельно неудобно. К тому же он ходит с костылями, а это дополнительная нагрузка. Но он берет скрипку, и она издает волшебные звуки. Причем он к концертам подходит как-то по-деловому. Выходит, кладет костыли, начинает играть, и все обалдевает. Когда кончает, нужно бисировать. Так он играет сразу три биса, чтобы не тратили время на хлопанье. У такого рода талантов материальные возможности повышаются в связи с их качествами. Но сначала у них нет таких денег. Когда я начинал, мне по разнарядке Госконцерта платили 200 долларов за концерт в том случае, если я оплачиваю гостиницу. Тут я должен сказать, что перед Богом у меня есть, конечно, грешок. Был такой импрессио Юрок, он говорил: мы все понимаем, на тебе на гостиницу.

Нас был пятеро — Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Леонид Коган, Святослав Рихтер и я. Нам платили 200 долларов за концерт, а остальное мы отдавали государству. С тех пор мои гонорары выросли, надо признать. Но это не помогает. У меня такое положение вещей, что все тратится. Я когда получал Сталинскую стипендию, мне чуть-чуть не хватало, аналогичная картина сейчас. Есть вещи не просто жизненно необходимые, а не отделяемые от меня. Скажем, путешествия. Сейчас я пригласил пять человек моих друзей. Купил им билеты на самолет, оплачиваю гостиницу. Потом у меня аппетит разыгрался. Куда бы я ни приезжал, я сразу влюбляюсь, покупаю квартиру и не езжу туда годами. Я недавно был в Тронхейме — небольшой город в Норвегии. Там все дома двухэтажные. Вечерами горит свет, идет снежок. Я пригласил себе квартиру, но, слава Богу, меня же не выгнали. Сначала покупаешь и думаешь: хорошо, есть квартирка, а потом начинается. Тебя облепляют адвокаты, счетоводы, и начинается почти грабеж. И уследить за этим невозможно. Конечно, я не добавляю на свои счета почти ничего, когда появляются деньги, я покупаю, я совершенно сошел с ума в своем коллекционировании для России. Это у меня съедает все. Мой банкир жалуется — вы зарабатываете, но ничего не добавляете.

У меня в Петербурге есть дом. Я купил его, потому что долг моей совести — перевести в Россию все, что принадлежит моей музыкальной жизни. Прежде всего это рукописи посвященных нам с Галей произведений, переписка с великими композиторами. Позавчера был аукцион Сотби, я купил замечательные юношеские письма Шостаковичу. Потом 40 писем Шостаковича Кара Караеву. Как я мог не купить! Конечно, купил и все верну.

Если соседу хорошо, от русского добра не жди

Я чувствую довольно ясно неприязнь некоторых людей в России по отношению ко мне. Я не просто чувствую. Был такой случай в Петербурге. Сделал я там усиленные стекла и поставил охрану. Сиджу как-то ночью и разбираю партитуры. Вдруг звонит мне охранник и просит спуститься. Вижу — человек, пьяный, понурый, я бы сказал, невеселый. Мои охранники и милиция что-то пишут. Оказывается, этот тип лопатой (не поленился ведь взять) разбил два окна. Это картина настоящей России. Я его спрашиваю: «Скажите, зачем вы это сделали?». Может быть, у него дети больные, а я больницам помогаю, я бы прочитал ему небольшую лекцию о человеколюбии. А он — от зависти. Я охранников спрашиваю: «А вы что делаете?» — «А мы пишем протокол о хулиганстве». Я говорю — он признался, протокол не писать.

Но с другой стороны... У меня был большой друг, альтист Вадим Борисовский (Юрий Башмет — его

В юбилейные дни М. Ростропович побывал в редакции «Литературной газеты», встретился с журналистами, для которых приезд лучшего рассказчика среди лучших музыкантов — двойной праздник.

«Люди во всем мире хотят выпить. И мои родители 70 лет назад дали повод, родив меня достаточно здоровым. Мне кажется, что с того момента, когда людям захотелось выпить по поводу моего 60-летия, прошло примерно недели три: так быстро летит время.

Разве можно всерьез воспринимать мой юбилей, если я родился 27 марта, а чествование началось 15 января на Канарских островах. Иначе, чем исканием повода, это не объяснить.»

Мстислав РОСТРОПОВИЧ: Я ХОЧУ НАЙТИ ГОЛЫХ

ученик). Я как-то спрашиваю у Башмета, жива ли жена Борисовского. Жива, ей 90 лет. Как-то Башмет пришел к ней, хотел помочь, а в это время зашел какой-то молодой человек, принес продукты. «Он всегда приносит хорошие продукты», — говорит она. Есть все-таки в России такая совесть. К сожалению, она находится где-то не на интеллигентском уровне, уж простите меня. Когда я жил в Оренбурге, мне было 14—15 лет, отец у меня только что умер, замерзла вода, топить было нечем. Кто-то кинул мне дрова, кто-то буржуйку поставил. Люди, которых я не знаю, сделали мне добро, потому что видели — соседу плохо. Другое дело, если соседу хорошо, тут от русского добра не жди.

О том, как Ростропович Прокофьева уговорил, или Муки интерпретации

Я всегда спрашивал автора о поправках. Если автор не соглашался, я не настаивал. Но у меня был один случай с Прокофьевым. Он писал Симфонию-концерт и советовался со мной буквально по 2—3 тактам. Это уже было после 48-го года, после ждановского постановления против Прокофьева и Шостаковича. Прокофьев стал очень замкнутый. Он мне звонил и говорил: «Слава, я написал еще два такта, приходите, я вам покажу». Я бежал, конечно, как сумасшедший. Однажды я Прокофьеву сказал: «Сергей Сергеевич, у вас всегда виолончель в таком высоком регистре играет. Умоляю, эту вторую тему первой части перенесите на две октавы ниже». Прокофьев говорит: «Молодой человек, а вам не кажется, что вы мне мешаете?». Я расстроился. Через два дня он мне звонит, я узнал его голос моментально и завопил: «Сергей Сергеевич, как я рад». «А я не рад. Приходите ко мне. Если бы не моя действительно большая композиторская техника, я никогда бы не реализовал вашего дурацкого предложения». Я потом сказал ему: «Сергей Сергеевич, а правда, лучше так?», а он парировал: «А вам не кажется, что мне удобнее сочинять, когда сверху мелодия, а снизу аккомпанемент?». В концерте Дворжака, например, я не меняю ничего, только нюансы — вопросы интерпретации я беру на себя. Если художник предлага-

ет свою картину, мы можем менять ее освещение, но мы не имеем права менять саму картину.

О Солженицыне

Я ему не изменил. Я имел счастье видеть многих великих людей. В 49-м году, например, я впервые поехал в капстрану — Финляндию. Вы знаете, с кем я встретился? С живым Сибелиусом. За последние тридцать лет своей жизни он не написал ни одной ноты. Но он остался великим композитором. Может быть, тем самым он оградил себя от критики. Хорошо, что я не креативный художник. В 70 лет меняется взгляд на жизнь, потому что жизнь вокруг тебя идет вперед. Пикассо менялся — голубой, розовый. Но Сибелиус не менялся, и в этом его счастье. Если бы он писал так же, его бы не воспринимали, ведь уже появились и Прокофьев, и Барток. Но то, что он сделал, осталось глубоко уважаемо. Дорогие друзья, неужели Солженицын, который своим ГУЛАГом открыл глаза всем, не достоин уважения, чтобы не употреблять хамские слова по отношению к нему?! Чем больше хамства будет по отношению к нему, тем больше я буду его любить. То, что он сейчас нас не ведет, — факт. Но нельзя за это развенчивать всю жизнь человека. Бог дает каждому из нас свою активную роль. Часто активная роль не совпадает с жизнью, но он сыграл свою великую роль.

Короли

Я не могу сказать, что самое глубокое впечатление на меня производят люди, которые занимают какую-то общественную позицию. Как-то у меня была страсть к ремонту и строительству (видимо, это было осложнение после какого-то тяжелого гриппа). Отделаться не могу до сих пор. (Когда у меня жил Солженицын в пристройке, я сделал коридор. Там образовался такой угол между коридором, куда зимой забивался снег. Этот снег таял все лето и снабжал сыростью стену Солженицына. Саня мне сказал: «Ты так гениально все сделал, но именно этот угол будет известен в истории архитектуры как ранний Ростропович»). Так вот, у меня был знакомый штукатур Вася Ткачук. Мы с ним очень подружились, он замечательно работал. Когда меня лишили концертов, он мне очень скромно предложил — у него, мол, родственники на Брянщине, туда дороги нет, а у тебя машина хорошая. Я прошоферил туда, после первых тридцати километров потеряли дорогу. Где-то в деревне была забегаловка, и мы взяли на двоих бутылку «Солнцедара». Вася, опустошив свою половину, очень серьезно меня спрашивает: «Слушай, а правда, что в Америке «Солнцедаром» негрлов травят?». Так вот. Когда мы вернулись через 16 лет (а мы и не надеялись на возвращение), я узнал, что каждые выходные он приезжал на дачу и поддерживал ее, никто ему за это не платил. И когда мы с Галей пришли первый раз, мы увидели какую-то аллею. Вроде ее раньше не было. И Вася, смутившись, сказал, что когда мы уехали, он посадил эту аллею в нашу честь. Вот это король. Гете сказал, что все мы под платьями ходим голые. Я хочу найти голых, а какое он платье надел — короля или штукатур — неважно.

На меня огромное впечатление произвел Чарли Чаплин. Во-первых, я думал, что у него карие глаза, а оказалось — светло-голубые. Это человек такой доброты! Обычно, когда появляется гений, негении стараются ему подражать, чтобы хотя бы хорошо заработать. А у Чаплина даже не было подражателей. Чаплин был очень sentimental, он плакал, когда слушал музыку. Когда мы прощались, он вышел, чтобы меня проводить, и хотел сказать по-русски: «До свиданья». Он долго говорил: «До... до... до...». Я говорю, мол, да ладно, давай уже как-нибудь попрощаться, и тогда он выпалил: «До... Достоевский!».

И конечно, самое глубокое значение в моей жизни имели Прокофьев и Достоевский. Однажды Прокофьев сказал мне: «У меня нет больше денег на кухарку и на завтрак» — и это я не прошу режиму никогда. Я про себя думаю — какой я бандит, какой нахал. Я мог сидеть, например, пить водку с Шостаковичем, анекдоты рассказывать, даже преклоняясь пред ним. Появился он сейчас — я с колен бы не встал! А уж за стол тем более бы не сел вместе с ним. Время показывает истинную гениальность людей.

Заслушивалась Ольга ФУКС
Фото Александра КАРЗАНОВА